

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КАТОЛИЦИЗМ

Нам хотелось бы отметить следующее знаменательное явление. Часть интеллигенции, не отличающейся особой религиозностью, проявляет тяготение к католицизму. Для гуманистов и либералов, на первый взгляд, такие симпатии непонятны: ведь гуманисты провозглашают как высшую ценность достоинство и права человека, в том числе право выбора религии, а здесь они выражают свою солидарность с самой тоталитарной конфессией, которая огнем инквизиции и мечом крестовых походов утверждала свое господство на земле и оставила за собой кровавый след в истории.

Можно услышать такое возражение: теперь католицизм стал другим, уже потухли костры инквизиции, и от Священной Римской империи остался только клочок земли, называемый Ватиканом, поэтому ужас и насилие ушли в прошлое. Но беззубый тигр сохраняет свой нрав. Доктрины католицизма остались такими же. Инквизиция и крестовые походы вытекали из самой сущности католицизма — образовать теократическое государство во главе с папой.

Государство не может обойтись без насилия и принуждения. А наши гуманисты словно забывают об этом. Некоторые из них утверждают, что количество жертв инквизиции и крестовых походов преувеличено. Это обычная ложь. Нам в детстве говорили, что никаких репрессий в стране не существует, а наказано и изолировано

только ограниченное число явных преступников. Испанские сапоги, «дыба», на которую подвешивали человека, привязав груз к его ногам, жаровня, куда насыпали горящие угли и затем ставили на нее узника, подозреваемого в ереси или чародействе, — все эти атрибуты ада не большая фантазия Гофмана⁴⁰, не описание сатанинских оргий Гюйсманса⁴¹, а атрибутика католического суда. Наши гуманисты, выступающие за экуменический союз религий, как будто забывают, что католическая церковь не только убивала, но предавала пыткам и мучительной смерти еретиков. Наши гуманисты, устроившие из слова «свобода» рупор для говорильни, как будто не знают, что католическая конфессия представляет собой абсолютную монархию, где слово папы оказывается более значимым, чем решение собора, они забывают, что многие православные были убиты католиками за то, что отказались изменить вере своих отцов, но не было случая, чтобы православные убивали католиков за то, что те не хотели перейти в Православие. Эти люди готовы отвергать существование инквизиции, индугенций, междоусобных войн, в которые вмешивались папы, держа в руках не символический ключ Петра, а вполне реальное оружие. Эти люди, которые хотят обвинить Православную Церковь в косности и консерватизме, а священников во всех человеческих пороках, забывают, что Православная Церковь никогда не торговала индугенциями и не назначала цену за прощение грехов. Эти люди хотят оправдать католическую инквизицию, ссылаясь на суровость средневековых наказаний, но ведь Церковь

должна вносить дух любви в жестокие нравы людей, а здесь, наоборот, римские папы посылают буллы в оправдание инквизиции, где доказывают, что если еретик умрет во время пыток, то палач не виновен. Такого лицемерия не знала не только Православная Церковь, но даже язычники.

Чем же объяснить симпатию части нашей интеллигенции к католицизму, этот психологический феномен? Люди на словах требуют свободы и в то же время избирают конфессию самой крайней централизации, которая в этом отношении по своей структуре превосходит абсолютную монархию. Деятели, проповедующие равенство людей и достоинство человека, умиляются перед той религиозно-исторической организацией, которая, образно говоря, забрызгала кровью всю карту мира. Люди, требующие гарантий человеческих прав, одобряют структуру, где не только народ, но даже церковные соборы не имеют реальных прав в вопросах веры: они обязаны воспринимать решения одного лица, стоящего на вершине пирамиды, как непрекращающиеся пророчества, не отличающиеся по достоверности от Священного Писания. Люди, которые так строго судят православных священников и иерархов за их слабости и ошибки, мнимые и действительные, как будто рассматривая их через увеличительное стекло, в то же время забывают об уже не человеческих, а дьявольских преступлениях Борджиа⁴¹² и других чудовищ на папском троне. Люди, которые упрекают Церковь в недостаточной духовности, в то же время забывают о той узаконенной системе лжи, которая

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

является органичной частью Ватикана, — это орден иезуитов, который, кроме борьбы с еретиками, обучения юношей и т. д., исполняет роль политической и идеологической разведки Ватикана и действует средствами — обычными для спецслужб — внедрением в государственные и общественные структуры. В народном сознании слово «иезуит» стало означать беспринципного, лживого, лицемерного человека, готового идти на все для достижения поставленной цели. Эти люди забывают о связи Ватикана с такими оккультными союзами как орден Мальтийских рыцарей и дипломатическую игру с антихристианскими силами.

Что же все-таки привлекает нашу творческую интеллигенцию в католицизме? Прежде всего то, что Православие духовно, а католицизм душевен. Чтобы стать православным, надо внутренне изменить себя, поставить перед собой другую, непривычную шкалу ценностей, в которой то, чем жил интеллигент, окажется где-то внизу. Здесь надо, выражаясь образно, пробить стену привычного и видимого, чтобы оказаться способным воспринять в сердце своем свет духовного мира. Католицизм позволяет человеку сидеть, как птенцу в яйце, в скорлупе своих прежних страстей и привычек, ограничиваясь каким-то поведенческим и религиозным минимумом. Католицизм — это компромисс между духом и душой, где победила душа, между религией и мирской культурой, где образовался какой-то странный гибрид с неопределенной меняющейся формой.

В определенный исторический период была создана Священная Римская империя, которую папы защищали не столько крестом, сколько мечом. Затем сам народ отверг эту теократию. Империя исчезла с географической карты, но сам принцип государства в католицизме остался.

Принцип прагматики, стратегия дипломатии, санкции и пошрения — это ориентиры на внешнюю силу. Наша интеллигенция упрекает некоторых священников в неравнодушном отношении к вознаграждению за требы, хотя это является единственным источником их материального существования, в то же время забывая или не зная, что Ватикан является одним из крупнейших банков мира, а банк — это слрут, питающийся кровью своих жертв (даже в лучшем случае он высасывает 10 % крови из артерий, а в худшем — все до капли). А Ватиканский банк назван «Банком Духа Святого». Итак, всемирный ростовщик назван «орудием» Духа Святого. Для православных это кощунство против Духа Святого.

Грузинским интеллигентам кажется, что католицизм — это прыжок из Азии в Европу, но они забывают о том, что у Грузии своя история, свои традиции, что когда в Мцхета высились христианские храмы, то в Париже (Лютеции) еще приносились жертвы в идольских капищах, что сама культура Грузии древнее, чем культура европейских стран, в том числе и Франции. А у части нашей интеллигенции образовался какой-то болезненный комплекс, как будто Православие мешает Грузии развиваться, сковывает ее, и, если грузины отрекутся

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

от веры своих отцов, значит, от своей истории, то, как по волшебству, Ваке превратится в Сорбонну, а Авлабар — в Монмартр.

Между тем католицизм всегда обещал и никогда не давал. Наша интеллигенция думает, что католицизм следет страну политически защищенной от возможных агрессий и притязаний. Но надо вспомнить, что за Флорентийской унией последовало падение Константинополя. Запад ответил на это не военной помощью, а эгегическими стихами. Армяне в Турции, надеясь на помощь Ватикана, стали во время мировой войны принимать католицизм, но помощь не была оказана, и геноцид унес около двух миллионов жертв. Наша интеллигенция, вернее, часть ее, забывает, что Православная Церковь была стержнем грузинской национальности и государства. Благодаря Православию даже во время разделения страны на царства и княжества грузины чувствовали себя единым народом.

Кроме перечисленных нами факторов существует еще один важный фактор. Это фактор психологического подкупа, а именно — католицизм гигантскими шагами идет навстречу духу мира. Он предлагает современному человеку облегченный, мы бы даже сказали, — комфортный путь к спасению. Заботясь о количестве членов своей конфессии, он идет на те уступки, которые самим католикам прежних веков показались бы отступлением от их веры. Современный человек изнежен и капризен, у него ослаблена воля. Католицизм фактически отменил аскетику — эту онтологию христианства. Католицизм

упразднил посты в нашем понимании этого слова. Дело дошло до того, что приготовления к причастию не существуют. Человек после завтрака и обеда может через два часа прослушать мессу и причаститься. Сама месса сокращена по крайней мере в три раза по сравнению с православной Литургией, и в течение этого времени присутствуют не стоят на молитве, а сидят, хотя давно замечено, что вместе с расслаблением тела происходит определенное расслабление внимания и других душевных сил. Молитва требует большого напряжения и концентрации мысли, расслабление тела легче погружает человека в состояние мечтательности и дремоты. Надо сказать, что для этого состояния больше подходит слово «медитация». А современный человек с его интеллектуальной гордостью более склонен к размышлению, чем к молитве.

Наша интеллигенция живет в мире литературы и искусства (мы имеем в виду творческую интеллигенцию), в особом мире, созданном силой рассудка и воображения, в особом дворце земной культуры, который строился веками, а в католическом храме она находит знакомое и сродное себе то же мирское искусство, только с религиозной тематикой, ту же театральность и музыкальные эффекты, тот же чувственно-эстетический суррогат духовности. Католицизм стал религией душевного плана, поэтому самые высокие состояния, которые он может дать человеку, мало чем отличаются от творческой радости и вдохновения. Мир искусства (мы имеем в виду мирское искусство) — это мир сублимированной

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

фантазии, а упражнение многих католических мистиков заключалось в развитии воображения, например, знаменитые упражнения Игнатия Лойолы⁴¹³, во время которых человек чувственно представлял картины рая и ада. Воображение связано со страстями, и здесь католицизм идет навстречу современности, прямо сказать, — к возвращенности современного человека. Он учит, что человек был создан страстным существом, а через грехонадеяние лишился сверхъестественной благодати. Если Православие считает страсть болезненным наростом души и деформацией чувства, то для католиков страсть — это злоупотребление и излишество. Поэтому в католицизме нет учения о внутренней молитве и очищении сердца от страстей, как у православных подвижников. В католицизме внешние дела преобладают над внутренним состоянием и рассматриваются в отрыве от него. Если для современного интеллигента принять Православие — это родиться вновь в муках и боли покаяния, то принять католицизм — это перейти из одной комнаты в другую, находящуюся этажом выше в том же здании.

Католицизм — это система, отличающаяся большой гибкостью и способностью к маневрированию. Когда католицизм обладал политической и военной мощью, то он подавлял всякое инакомыслие огнем и мечом. Еретиков были лишены не только гражданских прав, но и самого права на существование. Их убеждали железными когтями, которыми рвали внутренности тела, и просветляли заревом костров, на которых жгли людей, как бы возобновив языческие жертвоприношения Молоху и

Ваалу⁴¹⁴. Методы изменились, а суть католицизма осталась та же. Раньше он хотел утвердить себя путем насилия, теперь хочет сохранить себя путем перманентных уступок миру. Раньше он считал преступлением против веры любые астрономические системы, кроме геоцентрической, теперь допускает эволюционную теорию происхождения космоса от первоначального «сверхплотного» вещества. Пантеистическая теория Тейяра де Шардена⁴¹⁵, не согласующаяся не только с католицизмом, но и с любой из христианских конфессий, взята Ватиканом в свой арсенал как элитарное учение для интеллектуалов, что-то вроде «научного эотеризма» в католичестве. Теперь в католическом монастыре занимаются йогой и дзен-буддизмом, но неверие в непогрешимость папы карается анафемой, что зафиксировано в постановлении I Ватиканского собора.

Наша интеллигенция любит говорить о принципах, но в то же время примиряется с беспринципной дипломатией Ватикана. Вступающий в католичество берет на себя ответственность за деяния, совершенные не людьми с их слабостями, а католицизмом как организацией, то есть за решения и постановления папских булл и энциклик, в том числе оправдывающих инквизицию; они не могут быть отменены, так как послания пап считаются безошибочными. Эти послания отражали саму сущность католицизма. Мы сравнивали методы католицизма, его тактику с резиновым жгутом, который при надобности можно гнуть в разные стороны, но он не изменяется от этого и стремится принять прежнее положение. Кто

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

забывает о таком свойстве резины, тот может получить неожиданный удар по лбу. «Париж стоит мессы», — сказал остроумный французский король Генрих IV⁴¹⁶, но наша интеллигенция не получит Парижа за мессу, может быть, только какую-нибудь гуманитарную помощь.

Наши интеллигенты говорят об экономическом расцвете Европы. Однако самые богатые страны мира не католические, а протестантские, а также Арабские Эмираты, языческая Япония; поэтому, если ориентироваться на компьютеры и банки, то надо принять синтоизм⁴¹⁷ и иудаизм. Религия — это прежде всего жизнь души, а что представляет собой современная Европа в религиозном отношении? Общество высокой морали или полное бездуховности? Пусть об этом подумает наша интеллигенция. Вы хотите отвергнуть веру своих отцов для земного благополучия, но обманетесь даже в этом: у отца вы останетесь только пасынками. Если вы думаете, что католики высоко ставят Грузию и ее культуру, то прочитайте книги о Грузии Ламберти и Шардена. Доминиканский монах Ламберти, пользуясь гостеприимством менгрельского князя, прожил в Грузии несколько лет, а затем написал книгу «Описание колхов», где выразал сомнение, что грузин вообще можно назвать христианами, а священников сравнивал с разбойниками. Вот двойное лицо и двойное сердце этих миссионеров, которые источали князьям и царям мед лести, но этот мед потом оказывался смешанным с отравой. Разве наши профессора не знают, что когда в тяжелые для Грузии време-

на после опустошения страны Джелал-эд-Дином⁴¹⁸ и монголами царица Русудан⁴¹⁹ обратилась к римскому папе за военной помощью, тот прислал в ответ нескольких монахов из ордена «босоногих» для проповеди католицизма? После нашествия Шах-Аббаса царь Теймураз I умоляет папу спасти Грузию, но в ответ получает только благословение. Саба Орбелиани⁴²⁰ пошел на веротступничество и принял католичество, чтобы быть более удобным для католических монархов, объехал Европу, убеждая католических правителей заключить союз с Грузией, не оставить эту христианскую страну одинокой и беззащитной среди мусульманского мира и в ответ получил помощь: французский консул в Константинополе оказал милость — оплатил его дорожные издержки и долги. Был ли когда-либо случай в истории Грузии, чтобы католики помогли ей в беде? Неужели наши интеллигенты думают, что первый случай произойдет в наше время, неужели исторический опыт не научил их ничему?

Мы хотим указать на один факт, сам по себе, может быть, незначительный, но весьма симптоматичный. Несмотря сколько человек, связанных с системой просвещения и образования, стали публично в прессе обвинять Грузинскую Церковь в том, что она противостоит науке, так как Грузинская Церковь отказывается принимать григорианский календарь, детище римского папы Григория. Неужели эти образованные люди не знают, что григорианский календарь при своем появлении вызвал протесты большинства европейских университетов, в том числе

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

Парижского университета, и крупнейших математиков и астрономов, как например, Виета ⁴²¹ — основоположника алгебры в Европе. Дело приняло настолько опасный оборот, что папа Григорий XIII спешно издал буллу под названием «О самом важном», где грозил предать анафеме противников его календарной реформы. Неужели этот поступок не шокирует их свободомыслие? Приблизительно в это же время католический монах Диего ⁴²² сжег всю библиотеку народа майя, собранную в столице. Надо сказать, народ майя создал самый точный из всех действовавших в истории календарей. Случайно сохранилось только несколько рукописей. Это сделал не невежественный фанатик, а крупный этнограф и историк. Может быть, Ватикан возмутился таким поступком и наказал своевольного монаха — конкистадора в рясе? Нет. Ватикан выразил свою солидарность с сожженным книг покоренного народа тем, что возвел Диего в сан епископа Юкатана. Неужели это не остудит эйфорию и ажиотаж тех, кто считает Ватикан многовековым центром науки и культуры?

Те, кто считают католицизм лучшим оплотом христианства, неужели не знают, что Ватикан сотрудничает с оккультными союзами, что папа Иоанн Павел II снял с католиков запрет вступать в такие союзы и лично сам принимал колдунью Джуну ⁴²³?

Некоторые интеллигенты, включая преподавателей университета, высказывают сожаление, что Грузинская Церковь в XV веке приняла унию с Римом, как девица вздыхает о несостоявшемся браке и утешает себя тем,

что, может быть, еще не поздно. О какой унии говорят они? О Лионской или Флорентийской? Народ, история которого срослась с Православием, который был предан вере всей душой (Прокопий, «История Готфских войн»), народ, который понес огромные жертвы, не мог принять унию, иначе он стал бы не только вероотступником, но превратился бы в другой народ с другой культурой, другими традициями, другим менталитетом. Что вышло бы, если в то время какие-то силы смогли навязать Грузинской Церкви унию (чего мы не допускаем)? Народ разделился бы, началась междоусобица, и Грузия разделилась бы на части, одна из которых управлялась православными правителями, а другая — униатами. Возможно, в таком случае Грузия перестала бы существовать, она превратилась бы не в европейское государство, а в мусульманские княжества. Надо помнить, что в середине века грузинами называли тех, кто постоянно проживал в Грузии и исповедовал православную веру. Здесь религиозный фактор имел первенствующее значение. Разве несостоявшиеся унииаты не знают, что еще сравнительно недавно грузин, принявших католицизм, называли на своей родине франками, а принявших ислам — татарами, даже грузин, ставших по каким-то причинам монофизитами, считали армянами.

Наглядным примером того, какое единство может дать уния, служит Византия. В 1448 году Константинопольская Церковь вошла в унию с Римом. Папа обещал военную помощь грекам. Можно было подумать, что древний Рим решился защищать новый Рим — город

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

Константина — своей грудью. Прошло 5 лет. Константинополь окружили турки. Город бился в предсмертной агонии. Но уния оказалась безрезультатной: она внесла раскол в ряды защитников города, образовалась партия туркофилов, которая считала, что православным будет лучше сохранить свою веру под властью турок, чем под властью католиков. Греки кричали: «Лучше тюрбан султана, чем тиара папы». Константинополь пал, а вместе с ним Флорентийская уния.

Есть афоризм: надо спросить у мертвых. Спросите мучеников, кровью которых напоена грузинская земля, за кого они отдали жизнь: за Православие или за унию? Спросите преподобных, куда было обращено их сердце: к Востоку или Западу? Из каких источников они черпали, как живую воду, благодать? Спросите великих царей, что они считали выше: Небесное Царство или земное? Какой они хотели видеть Грузию — католической или православной? Спросите своих предков: какой ценой и ради кого они сохранили Православие в огненных бурях истории? Пусть вам ответят мертвые из могил. Прислушайтесь к их голосам.

Нам не раз приходилось слышать, что католики, в лице своего папы, принесли извинение и покаяние за те несправедливости и насилия, которые проявляла католическая церковь по отношению к народам других конфессий и религий. Нам говорят, что представители католической церкви также выражают сожаление о тех религиозных и нравственных преступлениях, которые совершались в недрах католичества в минувшие века.

Здесь вспоминаются слова Спасителя о тех, кто украшал гробы пророков и уверял народ, что если бы они жили во дни своих отцов, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков. Такое словесное покаяние «за отцов» без исправления причин бывших преступлений и собственной жизни было отвергнуто Христом: «Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избili пророков. Дополняйте же меру отцов ваших»⁴²⁴.

Покаяние — это изменение жизни человека. Поэтому здесь необходимо волеизволение и личное участие грешника в покаянии, который умом осознает совершенный им грех, сердцем сожалеет о своем падении, а волей противится повторению греха. Затем, после покаяния, человек должен бороться с прилогами греха, стараться уничтожить инерцию греха молитвой, а также мыслями и делами, противоположными греху. Если папа кается за частные грехи и ошибки исторических деятелей католической церкви, то он присваивает себе несуществующее право заменять собой личность другого человека. Неужели Александр Борджиа или кардинал Ришелье⁴²⁵ уполномочили папу Иоанна-Павла II принести покаяние за их черные деяния? Неужели слово «пардон» спустя полтысячелетия может сжечь, как огонь солому, грехи целой плеяды пап, которых возводили на престол, а затем свергали римские куртизанки? Неужели словом «извиняюсь» можно стереть из летописи католицизма пытки еретиков (дым от костров «аутодафе») затемнял небосвод Европы в течение многих веков), убийства

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

православных (например, казнь жителей города Юрьева (Тарту), которых утопили в реке за отказ принять католицизм), избивание афонских монахов (в том числе гринских монахов Иверского монастыря) во времена крестовых походов и т. д.? Здесь следует вспомнить о кровавой Варфоломеевской ночи⁴²⁶, когда католическая сторона, нарушив мир и договор с гугенотами, неожиданно в ночь на 24 августа напала на них и устроила кровавую резню безоружных людей в Париже и других городах Франции. Неужели словом «виноват» можно исцелить те исторические раны, которые нанесла уния, распространяемая путем насилия и гонений? Впрочем, папа вовсе не уточняет, за кого и в чем он просит прощения от имени католиков, поэтому его покаяние остается туманной абстракцией. Если же папа приносит покаяние за грехи и ошибки самой католической церкви (догматического и нравственного характера), то здесь мы встречаемся с еще большим противоречием.

По учению католической церкви, догматизированному в 1870 году, римские папы, как преемники апостола Петра по церковной кафедре, обладают даром непогрешимости, то есть безошибочностью в вопросах вероисповедания и нравственности. Таким образом, официальные послания римских пап, называемые энцикликами и буллами, являются высшими критериями истины. Первый Ватиканский собор предал анафеме тех, кто осмелился не принять этот странный догмат. Надо сказать, что слово «анафема» для католиков — это не только отлучение от церкви, но и проклятие, сопровождающееся самыми

страшными угрозами. Ошибочные догматы католицизма, а также действительность такого преступного института, как инквизиция, возмутительная продажа индульгенций, политические интриги иезуитов и т. д. были одобрены в папских буллах, которые, по учению католицизма, непорешимы с богословской и нравственной стороны. Более того, участникам карательных походов против еретиков, сопровождавшихся массовыми убийствами, насилиями и разорением целых областей Европы, римский папа заранее отпустил грехи. Так что участие в крестовых походах было аналогично покупке вечной индульгенции или смерти мусульманина во время газавата — «священной войны» с неверными, которая по обещанию Магомета⁴²⁷ обеспечивала жизнь в Эдеме.

По догмату Ватиканского собора, папа является высшим арбитром в вопросах христианской морали, поэтому, чтобы покаяться в прошлых преступлениях, надо признать ошибочность и греховность некоторых папских энциклик, например тех, в которых оправдываются попытки инквизиции. В одной из энциклик папы Иннокентия содержится утверждение о том, что если еретик умрет во время пыток, то ни судья, допрашивавший его, ни палач, пытавший его, не являются убийцами. (Нужно сказать, что казнь еретика через сожжение папская инквизиция назвала «наказанием без пролития крови» — «драконовский» юмор). А это значит отказаться от догмата о непогрешимости папы как учителя веры и нравственности. Но кто посмеет сомневаться в этом догмате, тот попадет под анафему. Здесь образуется порочный круг,

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

и догмат о непогрешимости обращается против самого папы. Если он верит в папскую непогрешимость, то должен признать ее за всеми своими предшественниками. Если он не верит в нее, то, как отвергающий католические догматы, перестает быть католиком, и тогда его собственные заявления не имеют никакой силы для католической церкви. Следует напомнить, что догмат о непогрешимости папы вызвал на I Ватиканском соборе в 1870 году значительную оппозицию, вылившуюся в движение, называемое «старокатоличеством». А спустя столетие, на II Ватиканском соборе, догмат о непогрешимости папы был подтвержден почти единогласно участниками собора.

Таким образом, явление, называемое «папизмом», все более глубоко проникает в сознание и жизнь католической церкви с ее последовательной тенденцией заменить соборность центризмом и вождизмом. Мы вовсе не хотим сказать, что среди католиков, в том числе иерархов и первосвященников, нет нравственных людей. Это было бы клеветой. Мы видим среди католиков самоотверженных людей, которые посвятили свою жизнь несчастным и бедным (например, доктор Гааз⁴²⁸), но такие же подвижники существуют в протестантстве и в других конфессиях. Их можно также найти в нехристианских религиях, потому что милосердие — универсальная добродетель, естественный закон совести. Среди католиков мы можем видеть мучеников за веру, но мученичество за свои идеи и убеждения было не чуждо античному миру (казнь Сократа⁴²⁹). Ислам также имеет своих мучеников.

О ДУХОВНОЙ ЭНТРОПИИ

Среди римских пап были и могут быть люди с благородными и возвышенными стремлениями, но сам католицизм становится для них «прокрустовым ложем», так как они принуждены во имя догмата о «непогрешимости» оправдывать то, что нельзя оправдать. Покаяться — значит измениться, а папа Иоанн Павел II ничего не изменил. Если бы он отказался от поездок в православные страны, где его не хотели принять большинство населения, то он этим бы сделал более нравственный акт, чем извинения во всем и ни в чем. Но здесь он проявил тот же силовой подход, опираясь на определенные рычаги. Католицизм в своих структурах и в основной стратегии остается тем же, чем был — другим он стать не может.